

Секция «Государственное и муниципальное управление»

Южнокорейский опыт противодействия коррупции: применимость в России ***Зайцев Владислав Евгеньевич***

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
государственного управления, Москва, Россия*

E-mail: zaitsev.ve@gmail.com

Противодействие коррупции на государственном уровне ведется в России с 1497 года, когда в Судебнике Ивана III были закреплены первые нормы [4], запрещавшие судьям брать взятки. С тех пор борьба с коррупцией осуществляется различными методами и с различной степенью эффективности, однако по данным Transparency International в 2011 году Россия занимает наравне с Угандой и Нигерией 143 место из 182 возможных [6].

По мнению докладчика, рассмотрение коррупции именно в качестве институционального явления позволяет выделить у нее ряд характерных черт. В частности, исследователь Н. Смирнов отмечает следующие: структурная природа; взаимосвязь с конкретными правилами (институтами); эндогенность и институциональная комплексность [3].

Методы противодействия коррупции, применявшиеся в России, не являются эффективными – необходим анализ, адаптация и трансформация зарубежного опыта с учетом отечественных реалий. Для рассмотрения взята Республика Корея: страна пропорционально сопоставима с Российской Федерацией по ряду элементов политической системы и уровню развития экономики, а дореформенная коррупционная ситуация схожа с российской.

С начала 60-х годов XX века Южная Корея прошла сквозь период правления генерала Пак Чон Хи, чья главная заслуга состоит в мобилизации экономики, развитии рынка и создании качественно новых экономических институтов – крупнейших многопрофильных корпораций, ориентированных на экспорт (чеболей).

Так как институциональное строительство влияет на действующую в экономике систему ограничений, активизируя перераспределительные процессы, то чеболи, значительно отличавшиеся от корейской институциональной инфраструктуры и созданные в предельно сжатые сроки, существенно увеличили объем перераспределительной ренты. Участие в перераспределительных процессах было гораздо эффективнее инвестиций в экономику и реальное производство, и трансплантационные издержки породили ряд дисфункций, главной из которых являлась коррупция, что привело к созданию нового устойчивого равновесия, сказавшегося впоследствии на формировании институциональной ловушки [1].

Пришедший к власти в 1997 году президент Ким Тэ Чжун, осознавая, что колоссальные трансплантационные издержки, последующие за устранением разъеденных коррупцией институтов, не позволят пересоздать чеболи с нуля, инициировал комплекс мероприятий по совершенствованию работы государственного аппарата, что позитивно сказалось на формировании институтов антикоррупционной направленности [2]. В 2001 году в Южной Корее был принят «Закон о борьбе с коррупцией», а в 2002 году создана

Независимая комиссия по борьбе с коррупцией. В настоящий момент в Республике Корея существует ряд структур, в чьи обязанности входит противодействие коррупции, но внимание остановим на Независимой комиссии по борьбе с коррупцией [7], подчиненной исключительно президенту страны, которому та представляет доклады о результатах работы; при этом ни одна из ветвей власти не вправе вмешиваться в ее деятельность. Комиссия выстраивает свою работу, исходя из заявлений, полученных от граждан и общественных организаций.

Отличительной особенностью и существенным плюсом корейской антикоррупционной стратегии выступало не разовое внедрение новых институтов, а построение цепи промежуточных. Подобный подход включает в себя несколько последовательных стадий институционального проектирования, что позволяет не только управлять темпами институционально строительства, но и избавить государство от «трансплантационных шоков» [1], при которых институт, внедренный в неблагоприятную среду, катализирует активизацию перераспределительной деятельности. Иными словами, несоблюдение темпов институционального строительства повлечет впоследствии противодействие внедряемому элементу и будет способствовать появлению дисфункций (в том числе коррупционных, однако не их исключительно) на уровне, значительно превышающем изначальный. Правильно же спроектированная цепь промежуточных институтов облегчает адаптацию трансплантата, снижая транзакционные издержки и помогая избежать институциональных ловушек.

Несмотря на относительные успехи в противодействии коррупции (в 2011 году Южная Корея занимала 43-ю позицию в рейтинге Transparency International [6]), перед корейским обществом по-прежнему стоят такие проблемы, как регионализм и отсутствие законодательного урегулирования деятельности лоббистских структур [5]. Докладчик заключает, что уровень коррупции будет иметь тенденцию к понижению по мере следующей естественной демократизации.

Основываясь на корейском опыте, докладчик выделяет следующие направления противодействия коррупции в России: 1) спецификация коррупции в качестве институционального феномена; 2) тщательная разработка комплексной и последовательной антикоррупционной стратегии, которая подразумевает институциональное проектирование и минимизацию перспектив использования реформы группами интересов; 3) политическая модернизация, демократизация и развитие гражданского общества; 4) повышение качества институтов, а не усиление репрессивных мер; 5) активная социальная и промышленная политика; 6) отделение субъекта антикоррупционной политики от объекта; 7) временной аспект реализации – промедление чревато накоплением коррупционного капитала.

Литература

1. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экон. наука соврем. России. 2001. № 3. с. 24–50.
2. Русецкий Е.А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2009.
3. Смирнов Н.В. Институциональная природа коррупции // Общество и экономика. 2010. № 2. с. 87-105.

4. Чистяков О.И. Российское законодательство X - XX вв.: В девяти томах / Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М. : Юрид. лит., 1985. - Т. II. с. 54-97
5. Kim Y.J. The New Paradigm of Anti-corruption Policies in Korea: A Focus on the Lobbying Disclosure Act // GovNet eJournal, Vol. I, №1 (Oct-Nov 2007). Pp. 10-21
6. Transparency International Corruption Perceptions Index 2011 // Corruption Perceptions Index. Berlin : Transparency International. 2011. №16.
7. Борьба с коррупцией: южнокорейский опыт / Кириянов О.В. - Электрон. дан. - Seoul .: Суельский вестник, 2005: <http://vestnik.kr/interview/3221.html>, свободный. - Загл. с экрана.